

Детский голос кричал, почти искажаясь от ярости. Кровь на полу ещё не успела свернуться. Бай Чжэнь пристально смотрел на Андрея, подошёл к телу убитой служанки, грубо схватил её бледное запястье, обнял её стройный стан и с притворной нежностью поцеловал в лоб.

— Хватит её трогать, она уже остыла.

— Жаль, мне нравились её глаза. — Бай Чжэнь крепко обнимал окровавленный труп. — Ты обещаешь мне, что после возврата объекта испытаний, тот молодой Сирена будет моим.

— Обещаю, дорогой, обещаю, — казалось, Андрей пытался его успокоить. — Дитя моё, я обещаю, всё очень скоро вернётся в норму.

Бай Чжэнь фыркнул. Холодным взглядом он смотрел на труп в своих объятиях. Прекрасные голубые глаза служанки уже потухли, отражая лишь сверкающий свет хрустальной люстры.

Шэнь Цин думал, что умрёт. По правде говоря, он был на волоске от смерти.

Сила рук Лу Тяньмина была просто нечеловеческой. Перед глазами у Шэнь Цина потемнело, и, придя в себя, он обнаружил, что всей тяжестью прислонился к стене ванной, судорожно хватая ртом воздух. Лу Тяньмин в какой-то момент отпустил его и теперь смотрел на него сверху вниз, в его мрачных глазах читалась сложная гамма чувств.

— ...Я... не хотел... — Голос Лу Тяньмина даже звучал растерянно, хрипло и приглушённо.

— Что ты хотел сделать?! — Шэнь Цин кашлял, отдышался и, насторожившись, медленно выпрямился, не отводя пристального взгляда от Лу Тяньмина. — Ты хотел... убить меня?

Он увидел, как Лу Тяньмин снова приблизился к нему, и попытался увернуться, но в следующий миг его грубо прижали к груди. Шэнь Цин впервые почувствовал, как сильно тот его обнимает, даже ощутил, как громко бьётся его сердце. Объятия были такими крепкими, словно хотели вдавить его в собственную плоть и кровь.

— ...Эй. — Весь прежний страх Шэнь Цина был вытеснен этим объятием. Он позволил крепко обнимать себя какое-то время, потом нерешительно поднял руки и обнял Лу Тяньмина, упёрся подбородком в его плечо, пытаясь охватить всё его крупное тело.

— Больно?

Подбородок Шэнь Цина ещё немел от той странной силы. Он честно поморщился:

— Больно! Ужасно больно! Только не делай так ещё раз, я умру. — Он изо всех сил старался скрыть своё напряжение.

— Веди себя хорошо.

— Ты уже на меня руку поднял, и ещё смеешь говорить, чтобы я вёл себя хорошо? Ты должен пообещать... — Дыхание Шэнь Цина ещё не успокоилось. — Никогда больше так не делать.

— Обещаю.

Лу Тяньмин закрыл глаза, опустил голову, упёршись лбом в его плечо. Сердце Шэнь Цина невольно смягчилось. Он потянулся и начал невольно гладить его по спине, легко похлопывая, не удержавшись, чтобы не сказать:

— Прямо как ребёнок.

Но он понимал, что Лу Тяньмину сейчас больно. Даже обнимая его, он чувствовал, как напряжено это высокое тело, ощущал жёсткость мышц и тяжёлое дыхание.

Лу Тяньмин взял его за подбородок. Шэнь Цин прикрыл глаза, их губы встретились в лёгком, едва заметном поцелуе. Этот поцелуй заставил его почувствовать себя гораздо спокойнее.

— Ни слова никому.

— И в такой момент ты ещё отдаёшь приказы. — Шэнь Цин сжал губы, похлопывая по широкой спине. — Столько противозаконных дел натворил, а я молчал, будет с тебя.

Даже вернувшись той ночью в постель, Шэнь Цин всё ещё волновался. Лу Тяньмин пришёл спать на его кровать, малыш спал на соседней. Шэнь Цина крепко обняли, и он впервые почувствовал, что Лу Тяньмин может быть таким привязчивым.

— Поясницу ломит, помассируй.

Лу Тяньмин послушно начал массировать ему поясницу, выглядел виноватым, хотя и не извинялся словами. Шэнь Цин, хоть и злился, чувствовал себя бессильным. Его тогда действительно напугали, и он почти не спал всю ночь.

— Сынок, что хочешь покушать?

На следующее утро Шэнь Цина разбудил голос Лу Тяньмина. Открыв глаза, он в полусне увидел, как Лу Хунжуй, скрестив ноги, сидит напротив Лу Тяньмина, и они вместе изучают меню доставки. Всё было мирно, как обычно.

— Ты папочку разбудил. — Увидев, что он проснулся, Лу Тяньмин ущипнул своего малыша за щёку.

— Это папа слишком громко говорит! — Лу Хунжуй не сдавался, сразу запрыгнул на кровать Шэнь Цина и нырнул под одеяло. — Папочка, обними меня.

— Ты меня задавишь, такой тяжёлый... — Шэнь Цину пришлось подняться, зажать малыша под мышкой. Лу Хунжуй, как маленькая обезьянка, крепко обнял его, прилип. Ребёнок рос не по дням, а по часам, с детства был увесистым.

Шэнь Цин смотрел на высокую фигуру Лу Тяньмина, который встал и поправлял галстук перед зеркалом во весь рост. Он крепче обнял малыша, но в голове невольно всплыли слова Лора: СН1101, кодовое имя в экспериментальном центре — Каин...

Это имя он встречал в книгах. Во многих романах этого легендарного персонажа переименовывали, но он помнил, что в оригинальной Библии у Каина была лишь одна роль.

Брат Авеля, Каин, одержимый завистью и жестокостью, первый в истории человечества братоубийца.

— Папочка тебя больше не поднимет, иди сюда, с утра не приставай к нему.

Лу Тяньмин взял малыша и отсадил на другую кровать:

— У меня сегодня дела, надо выйти. Скоро придёт няня присмотреть за тобой, не балуйся.

— Угу! Папа, купи мне мишку, когда вернёшься! — Лу Хунжуй оживился.

— Куда сегодня? — Шэнь Цин переоделся, он чувствовал небольшую усталость.

— В главное поместье семьи Лян. — Лу Тяньмин потрепал его по голове. — Одень куртку, поехали со мной.

— А почему вы не целуетесь? — Малыш сидел на кровати, скрестив ноги, и с любопытством смотрел на них, важничая.

— Да ну тебя, противный малыш! — Шэнь Цин покраснел и сильно ущипнул сына за щёку. — Не говори ерунды, иди завтракай.

Лу Тяньмин взглянул на Шэнь Цина. Больше всего в нём ему нравилась та чистая жизненная сила, что исходила от него. Когда тот смотрел на него снизу вверх, его глаза сияли, черты лица казались детскими, но он всё время хмурил брови, стараясь выглядеть суровым, а когда улыбался, глаза становились полумесяцами. Казалось, вся та живая энергия, что он утратил за столько лет, теперь восполнялась благодаря этому юноше.

Поместье семьи Лян окружал обширный тихий бамбуковый лес. Едва выйдя из машины, Шэнь Цин почувствовал, как на душе стало легко и свободно, и не удержался, чтобы не вдохнуть полной грудью несколько раз воздуха.

Особняк был старинным, построенным в традиционном стиле: пол из серого кирпича, просторный внутренний двор, при входе — высокая резная ширма с драконами. В главном зале были распахнуты восемь двустворчатых массивных дверей из красного дерева с ажурной резьбой. Даже швы между кирпичами на крыльце были покрыты изысканной резьбой, в трещинах уже пророс мох — видно, что особняк стоял здесь уже несколько столетий.

Они вошли в главный зал. Половина зала была скрыта свисающими занавесями, за которыми располагался алтарь для почитания бессмертных, где курились толстые благовония. Дым от благовоний уже закоптил потолок зала, а вокруг были развешаны красные полотнища.

Шэнь Цин присмотрелся. Алтарь был очень высоким, с резными перилами, украшенными нефритом, и алыми занавесями, он буквально упирался в потолок. В центре алтаря стояли две статуи высотой в два-три человеческих роста, одна в белых одеждах, другая в золотых, очень реалистичные, но скрытые красными занавесями, так что разглядеть их было трудно.

— Добро пожаловать, проходите.

Белобородый старик приветливо улыбнулся им. Вокруг него теснилось несколько молодых учеников, все в белых халатах с застёжкой на груди. Старик был седовласым, но выглядел бодрым и энергичным.

— Вы... вы и есть... тот медиум? — Шэнь Цин был заинтригован. Он украдкой взглянул на Лу Тяньмина, который сел в старое кресло с выражением полного пренебрежения на лице.

— Не я, — старик весело рассмеялся. — Вот он, глянь, вам, наверное, ровесники.

Шэнь Цин присмотрелся. Из-за алтаря вышел молодой человек и застенчиво улыбнулся ему.

Тому парню на вид было чуть больше двадцати, лицо было студенчески-юным, поверх джинсов — худи с большим белым медведем. Если бы не длинная благовонная палочка в руке, Шэнь

Цин решил бы, что это самый обычный студент в университете.

— Меня не интересуют ваши феодальные суеверия, — Лу Тяньмин перешёл прямо к делу. — Эта земля мне нужна любой ценой. Я предлагаю цену, в три раза превышающую рыночную. Даже если бы правительство финансировало, они не смогли бы предложить столь выгодных условий. Подумайте хорошенько.

— На этой земле вера передавалась из поколения в поколение. Легенды гласят, что духи предков обитают в глубинах горных лесов, совершенствуясь. Заповедь наших предков гласит: защищать эту землю, — старик вернулся в своё кресло и неспешно начал заваривать чай. — Я знаю, господин Лу — серьёзный человек. Но у нас тоже есть свои принципы.

— Тогда не о чем говорить, — Лу Тяньмин пожал плечами. — Я уже выкупил все земли вокруг этой горы, сравняю с землёй все окрестные леса. Если хотите остаться в этой глуши — пожалуйста.

<http://bllate.org/book/15584/1392090>